

В. В. Ма й к о

(Симферополь)

ТАВРИКА VIII—XI вв. МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ, ХАЗАРИЕЙ И РУСЬЮ

В статье анализируется современное состояние изучения прабулгарских памятников Крыма VII—XI вв. Также поднимаются вопросы хронологии и периодизации памятников. Рассматривается время их возникновения, этапы существования и разрушения. На основании сохранившихся материалов была сделана попытка выделить локальные варианты салтово-маяцкой прабулгарской культуры полуострова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: хронология, периодизация, прабулгарские памятники, алано-готские памятники, салтово-маяцкая культура, провинциально-византийская культура, Византия, Таврика, Крым, хазары.

Средневековые памятники Крымского полуострова неоднократно становились предметом специальных монографических исследований. Впервые поселения юго-восточного и юго-западного Крыма были обобщены А.Л. Якобсоном (Якобсон 1958, с. 497—500; 1970). Прабулгарские памятники Таврики на основании раскопок и теоретических разработок И.И. Ляпушкина, М.И. Артамонова, П.Н. Шульца, раскопок и разведок А.Л. Якобсона, В.П. Бабенчикова, Д.Л. Талиса, А.В. Гадло и М.А. Фронджуло были рассмотрены И.А. Барановым (Баранов 1977). В соответствующем разделе коллективного труда «Археология Украинской ССР» они были дополнены анализом гото-аланских и византийских объектов (Баранов 1981; 1986). В 1990 г. вышла монография исследователя, которая подвела итог более чем 50-летним исследованиям (Баранов 1990). Последний раз раннесредневековые памятники были проанализированы В.Л. Мыцом и А.И. Айбабиным (Мыц 1991; 2000; Айбабин 1999; 2003).

Анализ материальной культуры, хронология и периодизация алано-готских памятников

юго-западной части Таврики и южного берега Крыма детально проанализированы в работах А.И. Айбабина (Айбабин 2003, с. 59—64. Там же и основная литература). В данной работе обратим внимание на современную проблематику, связанную, прежде всего, с изучением прабулгарских памятников и периода X—XI вв.

В длительной дискуссии о времени появления, периодизации и гибели прабулгарских памятников Таврики в настоящее время наметились три основных точки зрения. Все они неоднократно упоминались в литературе, что позволяет избежать излишней детализации.

Первая изложена в работах М.И. Артамонова, А.Л. Якобсона, Д.Т. Талиса, А.В. Гадло, И.А. Баранова, С.А. Плетневой и А.И. Айбабина (Артамонов 2001, с. 272—280; Якобсон 1958, с. 497—500; Талис 1961, с. 256—257; Гадло 1980, с. 130—145; Баранов 1990, с. 148—151; Плетнева 2000, с. 151—170; Айбабин 1999, с. 190—194). Все они полагали, что активное проникновение прабулгар в Крым происходит в середине VII в., а оставленные ими памятники являются салтово-маяцкими. Появление памятников VIII—X вв., в контролируемом хазарами Крыму связано или с развитием оседлости у пришедшего населения (Артамонов 2001, с. 272—280; Талис 1961, с. 256—257; Гадло 1980, с. 130—145; Плетнева 2000, с. 151—170), или с ослаблением экономической и политической зависимости от Хазарии и Византии, способствовавшей притоку нового населения (Якобсон 1958, с. 497—500), или с новой миграционной прабулгарской волной, вызвавшей разгром и гибель поселений второй половины VII — первой половины VIII вв. (Баранов 1990,

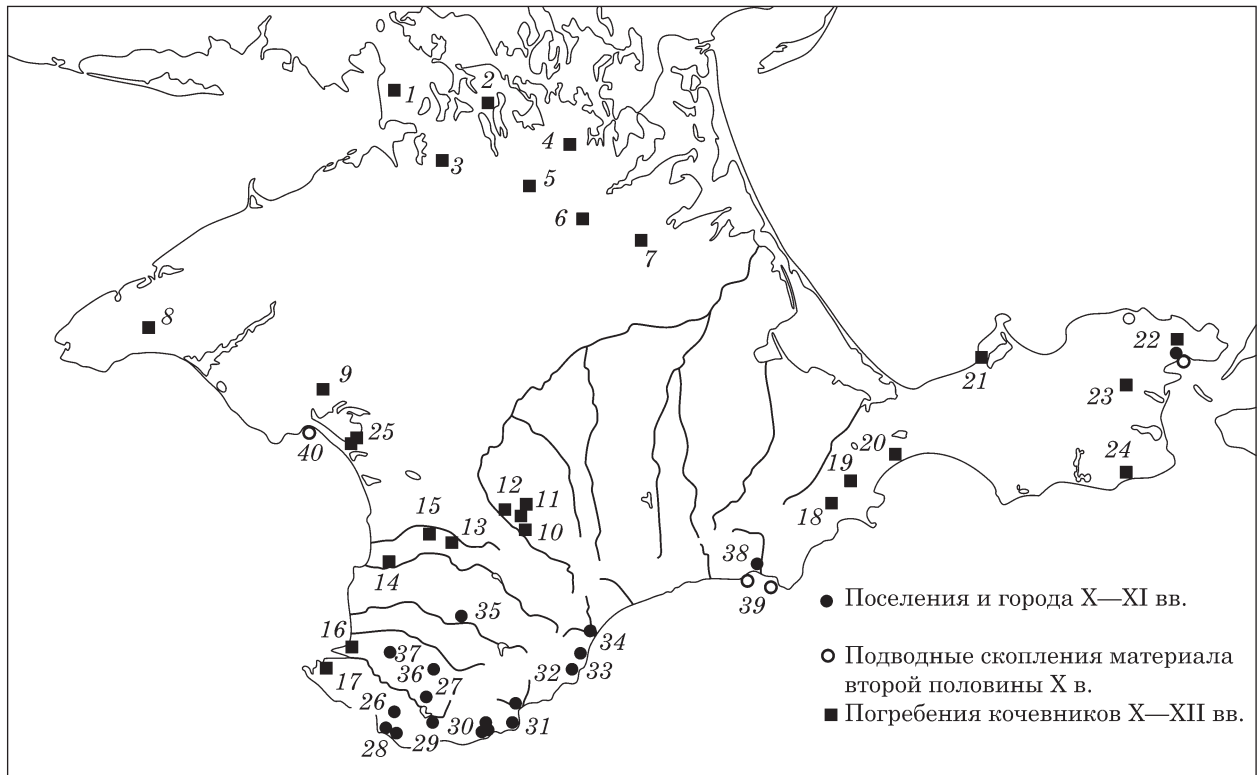

Рис. 1. Археологический памятники Таврики второй половины X—XI вв.: 1 — Рисовое; 2 — Танковое; 3 — Чаттарлык; 4 — Мартыновка; 5 — Матвеевка; 6 — Джанкой; 7 — Заливное; 8 — Чокрак; 9 — Мамай; 10 — Симферополь; 11 — Чокурчинская группа; 12 — Бахчи-Эли; 13 — Казанки; 14 — Вилино; 15 — Булганак; 16 — Северный берег Севастопольской бухты; 17 — Херсон; 18 — Коклюк; 19 — Ближнее Боевое; 20 — Приморский; 21 — Семеновка; 22 — Боспор; 23 — Михайловка; 24 — Кыз-Аульский некрополь; 25 — Кара-Тобе, некрополь и городище; 26 — Гончарное; 27 — Передовое; 28 — Батилиман, Ласпи; 29 — Родниковое; 30 — Семейз, Панае, Крыло Лебеда; 31 — Ореанда, Ялта; 32 — Паргеницы; 33 — Малый Маяк; 34 — Алустон; 35 — Тепе-Кермен; 36 — Мангуп; 37 — Эски-Кермен; 38 — Сугдея; 39 — Новый Свет, Меганом; 40 — Евпатория

с. 148—151), либо способствовавшей процессу мирных контактов и оседания на свободных землях (Айбабин 1999, с. 190—194). Причиной гибели праболгарских памятников полуострова, является либо печенежская угроза (Плетнева 1986, с. 65; Димитров 1992, с. 19—24), либо вытеснение венграми хазар из юго-восточного Крыма во второй половине IX в. (Айбабин 1999, с. 220—224; Цукерман 1998, с. 663—688), либо усиление набегов кочевников и ослабление власти Хазарского каганата, дестабилизировавших обстановку в Крыму (Зинько 2000, с. 191; Пономарев 2000, с. 121; Зинько 2009, с. 76—82), либо усиление русского присутствия в Черноморском бассейне (Кропоткин 1958, с. 218), либо сложность хазаро-русско-византийских отношений X в. (Баранов 1990, с. 152—153).

Вторая точка зрения представлена работами С.Б. Сорочана и В.Е. Науменко (Сорочан 2002, с. 509—543; Науменко 2001, с. 354; Науменко 2002, с. 544—568). Не возражая против проникновения в Таврику тюрко-язычного населения во второй половине VII в., авторы считают, что уже на рубеже этого и следующего столетия на полуострове был установлен византийско-хазарский кондоминиум. Исходя из этого,

крупнейшие города юго-восточной части полуострова (Сугдея, Боспор), также как и археологический комплекс на плато Тепсень (Сорочан 2002, с. 543, прим. 176), оставались византийскими в течение всего периода «темных веков» и их материальная культура отлична от праболгарской, зафиксированной на остальных сельских праболгарских поселениях Керченского полуострова и юго-восточного Крыма. Именно в рамках кондоминатных отношений и следует рассматривать процессы возникновения, функционирования и гибели салтовских памятников полуострова.

Третья точка зрения высказана в ряде последних работ Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова (Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009). Согласно мнению авторов, заселение тюрками Таврики во второй половине VII в. археологически почти не фиксируется. Города Боспор и Сугдея оставались византийскими. В начале VIII в. Боспор, Херсон и крымские архонтии (впоследствии климаты) оставались частью империи. Хазары здесь не претендовали на политическое господство. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани.

Массовое проникновение салтовцев-праболгар на полуостров в середине VIII в. и возникновение множества новых памятников произошло с согласия и под контролем византийских властей. Они позволили части христианского, или согласившегося принять христианство, населения из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель, селиться на пустующих землях Керченского полуострова, и только частично юго-восточного и северо-западного Крыма.

Сторонниками двух последних точек зрения в последнее время все активнее пропагандируется тезис о «несалтовском», а каком-то своеобразном местном или византийском характере праболгарских древностей Боспора и Сугдеи (Сазанов, Могаричев 2002, с. 469—509; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009, с. 104—175). С другой стороны предпринимается «наступление» на праболгарские памятники юго-западной части полуострова (Бельый 1993, с. 49—58), где исследователи также отказываются видеть салтово-маяцкие древности, «отодвигая» все дальше на восток византийско-хазарскую границу.

На мой взгляд, археологические реалии состоят в том, что в отношении алано-готских и праболгарских памятников Крыма мы имеем дело с разными вариантами провинциально-византийских культур. К сожалению, наши оппоненты зачастую термин провинциально-византийская культура считают этническим, но это далеко не так даже в отношении ближайших провинций Византийской империи. Крымский праболгарский вариант салтово-маяцкой культуры сформировался на самобытной основе, но постоянно испытывал византийское влияние в области идеологии и быта. Этнические особенности культуры до повсеместного принятия христианства в середине IX в. ярко прослеживаются на примере жилищного, хозяйственного строительства и погребального обряда. До середины X в. отличается самобытностью керамический комплекс. Многочисленные византийские черты, проступающие в бытовой, производственной и идеологической (христианизация, зафиксированная в погребальном обряде) сфере, нельзя рассматривать как этнический признак. К тому же, в праболгарских памятниках полуострова, по мере удаления от византийского Херсона в направлении с запада на восток, фиксируется уменьшение византийских черт материальной культуры и увеличение элементов, характерных для праболгарской культуры Подонья и Приазовья. Естественно более сильное византийское влияние испытали хронологически более ранние алано-готские памятники Крымского южного побережья.

Совершенно очевидно, что политическая подчиненность территорий не означает обязательную этническую смену населения.

Однозначны только два момента. Во-первых, все праболгарские памятники полуострова существуют без видимых изменений со второй половины VIII и до второй четверти X вв. В середине IX в. материальная культура претерпевает ряд изменений эволюционного характера, связанных с развитием и совершенствованием производства, византинизацией населения во всех сферах и расширением торговых связей.

Во-вторых, говоря о возникновении, хронологических рамках существования и гибели праболгарских и алано-готских памятников Таврики, нельзя напрямую отождествлять эти проблемы с взаимоотношением византийских и хазарских властей на полуострове и политическими событиями второй половины VIII—IX вв., отмеченными в письменных источниках.

Основываясь на этих постулатах, рассмотрим характерные особенности каждого из географических и этнокультурных регионов полуострова.

Юго-восточный и центральный Крым. В центральном Крыму И.А. Барановым выделялось 29 памятников полуострова этапа формирования салтовской культуры Таврики. Эталоном среди них было поселение Тау-Кипчак. Современные исследования показывают, что датировать их следует более широкими хронологическими рамками VIII — первой половины X вв. Для юго-восточного микрорегиона характерны памятники, тяготеющие к Сугдее. Здесь располагались и крупнейшие центры по производству амфорной тары (Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, с. 52—81). Выделяется и микрорегион, связанный, возможно, с городищем на холме Тепсень. Это практически все пункты в Отузской долине и с западной стороны Карадагского массива. Характерными отличиями этого региона является, присутствие материалов VII — первой половины VIII вв., зафиксированных в Сугдее и поселении Ай-Фока близ с. Морское (Майко 1996, с. 127—148). Во-вторых, облик материальной культуры этих памятников близок праболгарской культуре Приазовья и Подонцовья. Вместе с тем, присутствуют и ярко выраженные византийские черты. В-третьих, почти все праболгарские памятники этого региона возникают на новых местах. Практически нигде не зафиксированы горизонты предшествующего времени.

В середине X в. в юго-восточном Крыму происходит резкая смена материальной культуры. Все праболгарские памятники прекращают свое существование. Сельских поселений второй половины X — XI вв., несмотря на широкомасштабные разведки и раскопки, пока не обнаружено. Жизнь продолжается только в Сугдее, материальная культура которой приобретает провинциально-византийский характер, типичный для Причерноморских провинций Византии и не имеющий подосновы в

праболгарских древностях Таврики. Тем не менее, присутствие ряда особенностей позволяет связывать ее появление с переселением части жителей Таманского полуострова. На протяжении XI в. эта провинциально-византийская культура с присущими ей особенностями явилась подосновой для сложения культуры юго-восточного Крыма позднесредневекового времени. Центральная степная часть полуострова на протяжении X—XI вв. занята раннесредневековыми кочевниками. Часть из них начинает селиться в Сугдее.

Южный Крым. Большинство памятников южного Крыма принадлежит алано-готскому этносу. Вместе с тем, известны и несколько пунктов, датируемых не ранее третьей четверти VIII в. (Айбабин 2003, с. 63) и относимых к праболгарским. Бесспорных аргументов в пользу этого отнесения нет. Как и синхронные горизонты крепости Алустан и Горзубитского городищ их сближает с праболгарскими только схожесть амфорного материала и некоторых типов кухонных форм. Сложнее обстоит дело с памятниками, находящимися возле Алушты и к востоку от нее (Партениты, урочище Сотера, Лучистое (Кирилко, Мыц 1993, с. 41—42)). Даже если не считать технику кладки «в елку» этническим признаком, планировка и техника строительства домов близки праболгарским. При этом показательно, что керамический комплекс отличается, прежде всего, по составу кухонной посуды. Вероятно, сосуществование нескольких этнических традиций и следует считать характерной особенностью памятников этого региона византийско-хазарского планирования.

Во второй половине X в. алано-готские памятники продолжают существовать, но материальная культура претерпевает ряд изменений. Большая часть из них носила эволюционный характер. По основным составляющим новая культура аналогична синхронной культуре юго-восточного Крыма. Таким образом, материальная культура всего полуострова становится единой, провинциально-византийской причерноморской. Однако в данном регионе более сильно византизированные гото-аланские древности явились своеобразной подосновой новой культуры, способствовавшей ее эволюционному развитию.

Юго-западный Крым и Херсонес. Характерной особенностью этого региона является наличие синхронных салтовским горизонтов на таких памятниках как Мангуп (Науменко 1997, с. 325—339), Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Сюйрень, Кыз-Кермен. Отнести их к праболгарским только на основании идентичности набора тарной посуды и некоторых форм кухонной керамики сложно. Не является бесспорным аргументом и схожесть некоторых знаков на блоках оборонительных стен Мангупа, Чуфут-Кале и Сюйрени с тюркскими. Вместе с тем здесь при-

сутствуют и праболгарские памятники, концентрирующиеся в районе городища Бакла. Наличие отдельных праболгарских материалов на территории Херсонеса (погребения, отдельные артефакты) в указанный промежуток времени не должно удивлять. Это характерно для крупного средневекового византийского портового города. Таким образом, отличие этого региона от крымского южного побережья, заключается только в большем присутствии праболгарских элементов.

Тенденции, проявившиеся в середине X в., аналогичны южному побережью, праболгарские памятники позже середины X в. не функционируют.

Северо-западный Крым. Это один из наименее исследованных регионов (Кутайсов 2002, с. 155—159). Характерной особенностью является то, что, все памятники возникли на месте античных городищ и поселений. Во-вторых, в некоторых пунктах, не считая кочевнических праболгарских погребений второй половины VII в., также фиксируется присутствие материала рубежа VII — первой половины VIII вв. Памятники в этнокультурном отношении однородны и оставлены праболгарами. В середине X в. все они прекращают свое существование.

Боспор и Керченский полуостров. Эта территориальная группа наиболее многочисленна и разнообразна (Пономарев 2003, с. 217—224). Как и в юго-восточном Крыму можно говорить о существовании городского центра (Боспор), ряда очень крупных сельских поселений с естественными укреплениями и элементами квартальной планировки и небольших сельских поселков и хуторов, часть из которых, в отличие от юго-восточного Крыма, располагалась на остатках объектов античного и позднеантичного времени. Материальная культура как Боспора, так и сельских поселений Керченского полуострова ничем не отличаются друг от друга и от синхронных памятников юго-восточного Крыма. Характерными особенностями этого региона являются, во-первых, наибольшая, по отношению к другим территориям, близость материальной культуры праболгарской культуре Приазовья и Подонцовья и, соответственно, наименьшая степень влияния византийской материальной культуры. Во-вторых, разнообразный хронологический диапазон памятников от второй половины VII — до первой половины X вв. В-третьих, наибольшая концентрация самих памятников по сравнению с другими регионами полуострова.

В середине X в. здесь наблюдаются тенденции, совершенно аналогичные юго-восточной части полуострова. Все сельские праболгарские поселения гибнут и жизнь продолжается только на территории городища Боспор (Пономарев 2004, с. 164—169). Материальная культура последнего совершенно идентична Сугдее

и близка другим синхронным прамятникам Таврики.

Одной из важнейших проблем раннесредневековых памятников Крыма является их периодизация. Она также неоднократно становилась предметом специального анализа. Хронология алано-готских памятников полуострова детально разработана А.И. Айбабиным (Айбабин 2003, с. 9—86). Гораздо сложнее говорить о периодизации синхронных праболгарских памятников, где датирующие находки очень редки.

Материалы для выделения первого «оседлого» этапа праболгарской культуры полуострова единичны. Во-первых, это нумизматический и сфрагистический материал 60—80-х гг. VII в. и элементы поясной гарнитуры рубежа VII—VIII вв. (Айбабин 1999, с. 190). Материальная культура этого первоначального этапа отличается архаичностью комплекса кухонной посуды, наличием специфических форм столовой и характерным набором тарной керамики. Именно такой облик имеют наиболее ранние праболгарские горизонты Сугдеи и Боспора, некоторых сельских поселений юго-восточного Крыма. Таким образом, первый этап праболгарской культуры полуострова есть основание датировать не ранее середины VII — первой половины VIII вв.

Традиционно, второй этап праболгарской культуры полуострова датируется серединой VIII — первой половиной IX вв. Нижняя хронологическая граница четко определяется нумизматическим материалом и коллекцией поясной гарнитуры (Айбабин 1993, с. 121—134; Комар 1999, с. 111—136). Верхняя — проблематична. Аксиомой принято считать отсутствие в керамических комплексах т.н. высокогорлых кувшинов и поливной византийской керамики. Тем не менее, дальнейшая аргументация необходима. Кроме того, можно говорить о своеобразии кухонной керамики и определенном процентном соотношении амфорных типов.

Большинство же памятников праболгарской культуры Крыма относится к третьему хронологическому периоду, начавшемуся в середине IX в. Проблемы с его нижней хронологической границей естественно те же, что и с определением нижнего хронологического рубежа предшествующего периода. Верхняя граница, а, соответственно, и дата прекращения функционирования праболгарских памятников, наиболее сложный и дискуссионный вопрос (Сазанов, Могаричев 2008, с. 72—589). На мой взгляд, главными критериями являются обнаруженный на праболгарских памятниках нумизматический материал середины X в. (Баранов, Майко 1999, с. 128—129; Майко 2005, с. 42—43) и отсутствие в керамических комплексах импортных византийских амфор и стеклянных браслетов, появляющихся

на полуострове не ранее середины этого столетия.

Совершенно четко выделяется период второй половины X — XI вв. Материальная культура, присущая ему, подробно проанализирована в литературе (Майко 2004, с. 201—244; Герцен, Майко 2004, с. 141—167), что избавляет от повторов.

Таким образом, реконструкция исторических событий позволяет в общих чертах представить следующую картину.

Распад т.н. Великой Болгарии Кубрата во второй половине VII в. явился причиной проникновения на полуостров праболгарского населения. Этническое определение и механизм его проникновения на полуостров, так же как и масштабы этого процесса, трактуются исследователями по-разному (Баранов 1990, с. 15—16; Айбабин 1999, с. 185). На мой взгляд, необходимо согласиться с А.И. Айбабиным в том, что археологические памятники юго-восточной и степной части Таврики второй половины VII — первой половины VIII вв. чрезвычайно разнородны. Именно они и явились основой для формирования праболгарской культуры полуострова.

Примерно в середине VIII в. на полуострове возникает основная масса праболгарских памятников. По мнению И.А. Баранова, праболгары «второй волны переселения» уничтожили не только византийские укрепления и поселения, но и тюркские поселения предшествующего периода (Баранов 1990, с. 46—47). Однако, никаких пожаров данного периода на указанных памятниках не существует, на что справедливо указывает А.И. Айбабин, считающий, что процесс оседания проходил мирно (Айбабин 1999, с. 204). Материальная культура переселенцев и тюрков «первой волны» нивелируется и становится полностью идентичной. По мнению Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова, переселение праболгар в середине VIII в. в Таврику проходило под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова.

В середине IX в., в связи с принятием христианства, стабилизацией ситуации и расширением торговых контактов, увеличивается количество поселений, происходит перепланировка городов, совершенствуется материальная культура. Все праболгарские памятники прекращают функционировать одновременно, примерно в середине X в. На мой взгляд, это было вызвано последствиями похода хазарского полководца Песаха 940—941 гг., описанного в т.н. Кембриджском Анониме (Герцен, Майко 2004, с. 141—167). Безусловно, масштабы и последствия этого похода не следует преувеличивать. Вероятно, алано-готские памятники южного бережья и юго-восточного Крыма продолжают функционировать. В это беспокойное для юго-

восточной Таврики время подобные походы были, очевидно, не редкостью.

До падения Хазарии в 965 г. население Таврики номинально подчинялось ставленнику каганата, что и нашло отражение в ответном письме царя Иосифа и перечне хазарских городов. Занятая внутривосточными проблемами и событиями на Балканах, Византийская империя до поры до времени не вмешивалась в положение дел. Мешало этому и присутствие на полуострове части печенегов, занимавшихся активной посреднической деятельностью. В начале 70-х гг. X в. большая часть полуострова переходит под власть Византийской империи. Насколько прочной и в какой форме осуществлялась эта власть, сказать трудно.

Не исключено, что после похода Владимира «на козари» 986/87 гг., между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного конфликта. Это, то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами, и позволяло населению юго-восточного Крыма балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата — Крымской Хазарии.

В начале XI в., после подавления восстания Георгия Цуло в 1016 г., византийская власть в юго-восточном Крыму впервые устанавливается в полном объеме. Вероятно, вскоре возникает и феодализм в Сугдее. Известные изменения на протяжении XI в. претерпевает и материальная культура. Есть все основания говорить о проживании в городе части кочевнического населения (Майко 2008б, с. 20—28).

С окончательным оформлением протектората над Тьмутараканью при Черниговских князьях со второй половины XI в. усиливается ее влияние на юго-восточный Крым. Материальная культура города этого времени изобилует разнообразными находками древнерусского происхождения (Майко 2008а, с. 311—321), иллюстрирующими самые разные направления связей. Такая тенденция ни до, ни после этого периода не прослеживается. Для противостояния экспансии Тьмутараканского княжества в 1059 г. феодализм Сугдеи была объединена с фемой Херсона. Очевидно, это был не длительный период наибольшего расцвета Тьмутаракани, пришедший на середину — третью четверть XI в. В последние 80-х гг. этого столетия Византийская империя постепенно стала возвращать прежнее влияние как в юго-восточном и восточном Крыму, так и на Тамани.

Айбабин А.И. Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV—XIII века. Отв. ред. Т.И. Макарова. — С.А. Плетнева. — М., 2003. — С. 9—86.

Айбабин А.И. Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. — III. — 1993. — С. 121—134.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.

Артамонов М.И. История хазар. — СПб., 2001.

Баранов И.А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. — № 2. — 1981. — С. 57—71.

Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. — Т. 3. — К., 1986. — С. 231—248.

Баранов И.А. Ранние болгары в Крыму. Локальный вариант салтово-маяцкой культуры: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. — К., 1977.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — К., 1990.

Баранов И.А., Майко В.В. Византийские монеты середины X в. из Сугдеи // Stratum plus. Время денег. — № 6. — СПб.; Кишинев; Одесса. — 1999. — С. 128—129.

Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология юго-западного Крыма. — Симферополь, 1993. — С. 49—58.

Гадло А.В. К истории восточной Таврики в VIII—X вв. — АДСВ. — № 17. — 1980. — С. 130—145.

Герцен А.Г., Майко В.В. Хазары // Крым сквозь тысячелетия. — Симферополь, 2004. — С. 141—167.

Димитров Д. Этнические и культурные связи населения северо-западного Причерноморья в эпоху раннего средневековья. — ВРМА. — III. — 1992. — С. 19—24.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. — VII. — 2000.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. — Т. I. — Симферополь-Керчь, 2009. — С. 76—82.

Кирилко В.П., Мьц В.Л. Средневековая Фуна: замок, поселение, некрополь // АДУ 1991 року. — Луцк, 1993. — С. 41—42.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // ВА. — № 2. — 1999. — С. 111—136.

Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. — Т. XVIII. — 1958.

Кутайсов С.В. Салтовские памятники северо-западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдаи в истории и культуре Руси-Украины. — Киев; Судак, 2002. — С. 155—159.

Майко В.В. Давньоруські знахідки X—XIII ст. з південно-східного Криму. До питання про економічні та політичні контакти // Дѣяслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П.П. Толочка з нагоди його 70-річчя. — К.: Корвінпрес, 2008а. — С. 311—321.

Майко В.В. Комплексът прабългарски паметници от VII—X вв. край с. Морское в юго-източен Крим // БСП. — V. — 1996. — С. 127—148.

Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X—XI вв. Мода или неоднородность этноса // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Т. II. — Коростень, 2008б. — С. 20—28.

Майко В.В. Нумизматические данные о хронологических рамках салтово-маяцкой культуры Крыма // XIII ВНК. — М., 2005. — С. 42—43.

Майко В.В. Сугдея во второй половине X — начале XI вв. // Сугдейский сборник. — Киев; Судак, 2004. — С. 201—244.

Миц В.Л. Таврика в эпоху середньовіччя // Давня історія України. Слов'яно-руська доба. — Т. III. — К., 2000. — С. 546—558.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. — Симферополь, 2009. — 334 с.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». — Симферополь, 2007. — 347 с.

Миц В.Л. Укрепления Таврики X—XV вв. — К., 1991.

Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. // ПИФК. — XII. — 2002. — С. 544—568.

Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. — Вып. 2. — Симферополь, 2001.

Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангуца // БИАС. — Вып. 1. — Симферополь, 1997. — С. 325—339.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII—X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. — К., 2001. — С. 52—81.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. — М.; Иерусалим, 2000.

Плетнева С.А. Хазары. — М., 1986.

Пономарев Л.Ю. К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров. — Керчь, 2000.

Пономарев Л.Ю. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова // Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. — Керчь, 2003. — С. 217—224.

Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X — XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. — Киев; Судак, 2004. — С. 164—169.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII вв. // ПИФК. — XII. — 2002. — С. 469—509.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. — XXI. — 2008. — С. 72—589.

Сорочан С.Б. Византия и Хазары в Таврике: господство или кондоминиум // ПИФК. — XII. — 2002. — С. 509—543.

Талис Д.Л. Некоторые проблемы истории ранне-средневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. — XIX. — 1961. — С. 256—257.

Цукерман К. Венгры в стране Ливедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836—889 г. // МАИЭТ. — VI. — 1998. — С. 663—688.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. — № 85. — 1958. — С. 497—500.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. — № 168. — 1970.

В. В. Майко

ТАВРИКА VIII—XI ст. МІЖ ВІЗАНТІЄЮ, ХАЗАРІЄЮ ТА РУССЮ

У статті аналізується сучасний стан вивчення прабулгарських пам'яток Криму VII—XI ст. Аналізуються питання хронології періодизації пам'яток, час їх виникнення, етапи існування та руйнування. На підставі збережених матеріалів, зроблена спроба виділити локальні варіанти салтово-маяцької прабулгарської культури півострова.

V. V. Majko

TAVRICA IN 8th—11th CENTURIES BETWEEN BYZANTIUM, CHOZARS AND OLD RUSS

In article is analyzing the current status of studies of prabulgarian monuments of Crimea VII—XI centuries. The questions of chronology and periodization of monuments, time of their occurrence, stages of functioning and destruction are analyzed. On the basis of the saved material, the attempt is made to local variants of saltovo-majaki prabulgarian culture of a peninsula. The main difference between them consists, first, in the degree of influence of the Byzantine Empire shown both in material culture, and in spiritual sphere. Secondly, in affinity the each of variants of prabulgarian culture of Don and Azov region.